

A photograph of a Gothic church interior. The scene is dominated by large, multi-paned stained glass windows that allow light to filter through, creating a soft, atmospheric glow. The architecture features high, pointed arches and intricate stone carvings. In the foreground, an open, thick book with handwritten text lies on a wooden surface, possibly a desk or altar. The book's pages are yellowed with age. To the left, a large, ornate brass chandelier hangs from the ceiling. In the background, a wooden altar with a purple cloth is visible, flanked by more stained glass windows. The overall mood is solemn and historical.

Сергей (Вождь)

Я ПОМНЮ

Сергей (Вождь)

Я помню

«Автор»

2026

(Вождь) С. П.

Я помню / С. П. (Вождь) — «Автор», 2026

В забытом городе Блэкторп нет призраков, но есть память. Лина приезжает сюда случайно, но её имя уже записано в чёрном блокноте, который появляется на столе сам. Церковь с пустым алтарём, зеркало, показывающее не отражение, а прошлое, и книга в кожаном переплёте, где каждая страница — женщина, сказавшая «я помню». Она не ищет правду. Она становится ею. История о наследии, которое не передаётся словами, а возвращается — через тишину, через имя, через тех, кого не называли.

© (Вождь) С. П., 2026

© Автор, 2026

Сергей (Вождь) Я помню

Глава 1. Письмо из метели

Метель не столько шла, сколько застывала в воздухе. Снег не падал — он висел, будто время замедлилось, и мир оказался погребён под слоем белой тишины. Ни ветра, ни скрипа ветвей, ни шагов по насту. Только приглушённый стук часов да слабое мерцание лампы над письменным столом, бросавшее тени на стены, будто те дышали.

Эвелина Вейл сидела неподвижно. Спина прямая, пальцы сложены домиком, взгляд — в окно, за которым уже ничего не было. Ни улицы. Ни фонарей. Ни прохожих. Только снег, сгушавшийся, как дым, и поглощавший всё, что когда-то имело форму. Она не включала свет. Свет выхватывал из темноты то, что лучше оставалось в ней.

Комната была почти пустой. Ни картин, ни безделушек. Только стол, стул, шкаф с делами, запёртыми на ключ, и одна фотография — в старой серебряной рамке. На ней — женщина в длинном чёрном пальто, стоявшая на пороге дома, лицо почти скрыто воротником шубы. Эвелина не помнила, когда была сделана эта фотография. Но она знала — это был последний день, когда мать была дома. Последний день, когда она была живой.

Она не отводила глаз от окна. Потому что видела. Следы. Они начались ниоткуда, в белой пустоте, и вели прямо к двери её дома. Человеческие. Чёткие. Свежие. Но снаружи — никого не могло быть. Ни один человек не выдержал бы такой метели. Ни один зверь не пошёл бы сюда добровольно. И всё же — они были.

Дверь скрипнула. Тихо. Без стука.

— Ты опять смотришь туда, где никого нет, — сказал голос.

Она не обернулась.

— Следы, Леви.

Доктор Леви Мортон вошёл, снял пальто, стряхнул с плеч снег, который тут же растаял на тёплом дереве пола. Он был невысок, сед, с лицом, изрезанным усталостью и чем-то более глубоким — чем-то, что не лечится сном. Бывший военный хирург, бывший психиатр, бывший свидетель слишком многих смертей, которые не имели телесных причин.

— На снегу? — Он подошёл к окну, прищурился. — Ничего не вижу.

— Были.

— В эту погоду? Никто не ходит по метели.

— А если это не человек?

Леви вздохнул. Он не стал спорить. Он знал: спорить с Эвелиной — всё равно что пытаться остановить прилив. Либо она права, либо её разум, такой острый, такой точный, наконец дал трещину. А между этими двумя — тонкая, почти невидимая грань.

Он поставил чашку чая на стол. Чёрный, без сахара. Как она любила.

— У тебя письмо, — сказал он, достав конверт из кармана. — Принёс мальчишка. Говорит, оставил кто-то у двери.

— Откуда?

— Сказал — “из Блэкторпа”.

Она медленно повернула голову.

— Где?

— Маленький город. На северо-восточном побережье. Утёсы, море, туман — даже летом. Изолированный. Никто туда не ездит. Почти никто.

— Почему прислали мне?

Он пожал плечами.

— Адресовано лично. Без обратного адреса.

Она взяла конверт. Бумага была странно холодной — не от мороза, а будто сама по себе, как металл под луной. Вскрыла его аккуратно, без спешки, будто знала: то, что внутри, изменит всё.

Одна страница. Печатный текст. Старомодный шрифт, будто из XIX века.

Вы ищите правду. Приезжайте в Блэкторп. Найдите дом на утёсе.

И не слушайте, что скажет орган. Они уже знают, что вы идёте.

Без подписи.

Она перевернула лист. На обороте — фотография. Чёрно-белая. 1898 год. Толпа у церкви в чёрных пальто и шляпах. Все смотрят вниз, будто что-то упало.

На переднем плане — женщина. В длинном чёрном пальто. Светлые волосы — под шляпой. Лицо — зачёркнуто чёрным карандашом.

Эвелина замерла.

— Что? — спросил Леви.

— Это... — она замолчала. — Это — я.

— Ты шутишь.

— Я не была рождена в 1898.

— Тогда это просто совпадение.

— Совпадения не пахнут мокрой шерстью и древесным углём.

Она вдохнула. Запах был снова здесь — тяжёлый, землистый, с отголоском гари. Запах, который преследовал её с детства. Запах, который появлялся перед тем, как что-то происходило.

— Я это чувствую, — сказала она. — Они.

— Кто?

— Те, кто ждут.

— В Блэкторпе?

— Нет.

— Где?

— Здесь.

— Эвелина...

— Они уже пришли.

— Из-за письма?

— Нет. Из-за меня.

За окном метель вдруг стихла. На мгновение. Как будто весь мир затаил дыхание.

И в этой тишине — где-то далеко, возможно — в голове, возможно — в стенах дома — зазвучал орган. Тихо. Медленно. Мелодия — незнакомая. Но Эвелина знала её. Она слышала её в снах. Слышала в детстве. Слышала перед тем, как мать исчезла.

Леви посмотрел на неё.

— Ты слышишь?

Она кивнула.

— Да. Это — призыв.

— Куда?

— Не куда. А кому.

— Кому?

— Мне.

— Ты родилась в Лондоне. В больнице Святого Варфоломея. Я видел твоё свидетельство.

— Я не родилась, Леви, — сказала она, и в её голосе появилось что-то древнее, чужое.

— Я проснулась. В этом доме. В этой улице. С именем, которое мне дала мать. Но до этого... Я была там.

— Где?

— В Блэкторпе. Я не помню. Но оно помнит меня.

Она коснулась стекла. Холод просочился в её пальцы.

— Они ждали. Ждали, пока я вспомню. И вот — письмо. Фотография. Мелодия. Все — ключи.

— И ты пойдёшь?

— У меня нет выбора. Если я не пойду — они придут сюда. За мной. Как пришли за матерью.

Леви молчал. Он хотел сказать, что это безумие. Что метель играет с нервами. Что орган — галлюцинация. Но он слышал мелодию. И знал: Такие вещи не придумывают.

Он только спросил:

— А если ты не вернёшься?

Она посмотрела на него. В её глазах — не страх. Не решимость. А обещание.

— Я не вернусь. Я останусь. Потому что я — не та, кого они ждут. Я — та, кого они потеряли.

И в этот момент орган умолк. Метель вернулась, с новой силой, сбивая с ног невидимые деревья за окном. А в зеркале над камином — на мгновение — мелькнуло отражение, в котором у Эвелины не было лица. Только тень. И чёрные глаза, смотревшие изнутри.

Глава 2. Поезд, которого нет

Они выехали на рассвете, но рассвета не было. Только серая пелена за окнами, будто небо забыло, как быть светлым. Метель утихла, оставив после себя мёртвую тишину — снег, укатанный в лёд, деревья, скрюченные, как старухи, и дорога, ведущая в никуда. Воздух стоял, как в запечатанной могиле. Ни ветра, ни птиц, ни эха шагов. Только давление — будто земля притаилась, затаив дыхание перед чем-то неотвратимым.

Эвелина шла первой, не спеша, но и не колеблясь. В чёрном пальто, с сумкой через плечо, в которой лежала папка с вырезками, фотографиями и одной старой запиской, исписанной её собственным почерком, но написанной в сне. Её ноги будто помнили путь, которого она не знала, и каждый шаг звучал чётко, как удар по льду.

Леви шёл следом, с портфелем в руке — не потому что он нужен, а потому что руки должны что-то держать, когда внутри — пустота. Он остановился в десяти шагах от поезда, будто инстинкт кричал: не подходи. Поезд стоял на запасных путях, чёрный, длинный, с окнами, тусклыми, как глаза спящего зверя. На боку — выжженная цифра: 13, а под ней — маслянистый след, будто кто-то провёл пальцем по металлу, оставив грязный, липкий штрих. Ни названия, ни логотипа, ни номера. Только он — и тишина вокруг, слишком глубокая, чтобы быть естественной.

— Его здесь не было вчера, — сказал Леви, чувствуя, как голос звучит чужим.

— А теперь есть, — ответила Эвелина, не оборачиваясь.

Она не спорила. Не объясняла. Просто констатировала, будто это было законом, а не фактом.

Двери открылись сами — без звука, без скрипа, будто их ждали. Внутри вагон оказался не пустым, а стерильным. Сиденья из чёрной кожи, пол без пылинки, окна без отпечатков. Ни следов прошлых пассажиров, ни забытых вещей. Только два билета лежали на центральном столике — без фамилий, без маршрута. На них — печать: Блэкторп. Прибытие — 23:58. Дата — 31 октября.

— Сегодня 29-е, — прошептал Леви, чувствуя, как холод заползает под язык.

— Значит, мы приедем не вовремя, — сказала Эвелина, садясь у окна. — А в нужное время.

Она смотрела в стекло, где отражалась её фигура — и ещё одна, чуть дальше, в глубине вагона, стоявшая у двери, с опущенными руками и лицом, скрытым тенью. Леви не видел её. Но чувствовал — как будто кто-то дышит ему в затылок, как будто что-то смотрит сквозь него.

— Ты её видишь? — спросил он.

— Да.

— Кто это?

— Я не знаю. Но я ждала её.

Поезд тронулся без сигнала, без скрежета колёс. Просто сдвинулся с места, будто его потянули за ниточку, невидимую, но прочную. Они проехали мимо станции Харлоу-Филды — заброшенной, с разбитыми окнами и обвисшими проводами. На платформе стоял одинокий чемодан, открытый, пустой, с биркой: “Маргарет. Не терять. 1883”.

— Её здесь нет на карте, — сказал Леви, глядя в путеводитель.

— А Блэкторпа — тем более, — ответила Эвелина. — Он не для всех.

Она достала папку. Внутри — старые газеты, вырезки, фотографии. Все — о Блэкторпе. Все — с датами, разделёнными ровно на двадцать лет: 1843, 1863, 1883... до 2003 года.

— Что это? — спросил Леви.

— Исчезновения. Все — в октябре. Все — в туман.

— А в 2003-м — прекратились?

— Потому что жертва сбежала. И родила ребёнка. В Лондоне. В больнице Святого Варфоломея.

Она посмотрела на него.

— В октябре. В туман.

Леви почувствовал, как холод заползает под кожу.

— Ты...

— Да. Я — последняя.

В этот момент свет в вагоне мерцнул. На мгновение. И в полутьме все окна отразили не улицу, а церковь — старую, с облупленной штукатуркой, без колокольни, с приоткрытой дверью, будто кто-то только что вошёл... или вышел.

Орган заиграл. Тихо. Та же мелодия. Та, что слышали в доме.

Леви обернулся. В конце вагона стояла фигура. С опущенными руками. С тенью вместо лица.

— Эвелина...

— Не оборачивайся, — сказала она. — Они не любят, когда на них смотрят.

— Кто — они?

— Те, кто не умер. Кто не родился. Кто ждал.

Поезд въехал в тоннель, которого не было на карте, не было на путях, не было в природе. Стены — из сырого камня. На них — надписи, выцарапанные на языке, которого Леви не знал. Но Эвелина прочитала:

— “Они вернулись. Они в стенах.”

— Откуда ты знаешь?

— Я вспоминаю.

Свет погас. На долгие секунды. Только звук колёс. И дыхание. Два. И третье — где-то за спиной.

Когда свет вернулся, фигура исчезла. Но на сиденье, где она стояла, лежал чёрный деревянный крест с выжженной надписью: “Ты была обещана.”

Эвелина взяла его. Не дрогнув.

— Они боятся, — сказала она. — Потому что я не та, кого ждали. Я — та, кого они боялись.

Поезд вырвался из тоннеля. Перед ним — чёрное море, без волн. На утёсе — город. Дома, прижавшиеся друг к другу, как трусящие дети. Церковь — по центру. Без креста. С табличкой: “Святой Исаак. Орган играет каждый вечер. Вход — только для своих.”

Поезд остановился без тормозов. Просто — встал.

Двери открылись. На ветер. На солёный воздух. На запах древесного угля и мокрой шерсти.

Эвелина встала.

— Мы приехали, — сказала она. — Я вернулась.

Леви посмотрел на неё, на город, на церковь, на окно, где в отражении её лицо было не её.

— А если это ловушка?

— Это не ловушка, — сказала она. — Это возвращение. И я должна пройти до конца.

Она вышла. Он последовал за ней.

Двери закрылись. Поезд покатился назад — в тоннель, которого не было.

А за ними — город замер. Церковь приоткрыла дверь. И в тишине —

завучал орган.

Глава 3. Орган, который помнит

Они стояли у подножия утёса, в солёном ветре, пахнущем мхом, рыбой и чем-то древним, будто сама земля здесь была старше времени. Город Блэкторп не просыпался. Ни дым из труб, ни свет в окнах, ни шагов по камням — только дома, прижавшиеся друг к другу, как испуганные дети, и церковь на краю обрыва, будто балансирующая между морем и небом, между реальным и тем, что лучше оставить во тьме.

Дверь церкви была приоткрыта — не настежь, не приглашающе, а на дюйм, будто кто-то только что вышел... или, что важнее, ждал, чтобы кто-то вошёл. Леви остановился, чувствуя, как что-то внутри него сжимается, будто инстинкт кричит: не входи.

— Мы не должны, — сказал он.

— Мы уже должны, — ответила Эвелина, не глядя на него.

Она протянула руку не к двери, а к воздуху, будто проверяя температуру.

— Чувствуешь? Здесь холоднее. Не от ветра. От внутри.

Она толкнула дверь.

Скрип был не деревянный, а металлический, ржавый, будто петли не двигались сто лет. Но внутри всё было чисто. Пол — без пыли, без паутины, без следов времени. Будто его убрали каждую ночь, даже если здесь никто не жил.

Внутри — полумрак. Сквозь витражи, покрытые пылью, пробивался серый свет, не похожий на дневной или лунный. Он будто исходил от самих стен, как будто церковь дышала.

И — орган.

Огромный, чёрный, с трубами, уходящими в потолок, как корни древнего дерева. Он не играл, но звучал — низкий, вибрирующий гул, который ощущался в костях, в зубах, в висках. Будто инструмент был жив, и сейчас он спал, но дышал.

— Орган не может звучать сам, — прошептал Леви.

— Этот может, — сказала Эвелина. — Он помнит.

Она пошла вперёд. Каждый её шаг отдавался в тишине, но эха не было — звук будто поглощался полом, стенами, воздухом. На стенах висели старые чёрно-белые фотографии. Все — с датами: 1843, 1863, 1883, 1903... до 2003 года. На каждой — женщина в чёрном платье, с опущенными руками, с лицом, скрытым тенью.

Но Леви всмотрелся — и похолодел.

Лица были одинаковыми. Не просто похожими. Идентичными.

Как будто одна и та же женщина — снова и снова, каждые двадцать лет.

— Это... ты? — спросил он.

— Нет, — ответила Эвелина. — Почти.

Она подошла к органу. Клавиши — из жёлтого дерева, потемневшего от времени. Одна — сломана, будто вырвана.

— Здесь должно быть имя, — сказала она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.